

ИЗМЕНЕНИЕ РЯДА ЯЗЫКОВЫХ ПАТТЕРНОВ ТАТАР НА ПРИГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ТАТАРЫ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ И ТАТАРЫ-МИГРАНТЫ КИТАЯ¹

Алиев Р.Т.

Алиев Растям Туктарович, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, Астраханский государственный университет, Астрахань.
E-mail: rastaliev@gmail.com

Данная статья посвящена компаративистскому анализу лингвистических паттернов татар-мигрантов Китая и татар астраханского фронта. Во введении автор рассмотрел основные исследования по проблеме татарской миграции XX в., и сделал предположение, что на пограничных территориях у подобных этносов развитие языка проходит по особым законам в связи с характером указанных пространств (астраханский фронт и Северо-Восточная Азия). Тем самым предмет исследования был переведён в культурологическую плоскость.

В основной части данной статьи были рассмотрены лексические единицы, грамматические формы словообразования и фонетические особенности языка татар-мигрантов Китая и астраханских татар. В ходе исследования автором были созданы сравнительные таблицы по каждой категории поставленной проблемы и были выявлены основные факторы, повлиявшие на становление лингвистических особенностей указанных субэтнических групп относительно литературного татарского языка. К ним автор отнёс периферийный фактор существования этноса и религиозный характер образования этнических общин на новых территориях. При этом вопрос о влиянии соседних тюркских этносов автором ставится под сомнение, и кажется им потенциально решаемым в случае получения общей картины комплексного анализа развития близкородственных тюркских языков.

Ключевые слова: фронт, Другой, Чужой, татары, татарские мигранты, тюрко-татарская община, дальневосточный фронт, вестиментарность, алиментарность, лингвистика, грамматика, фонетика, лексика.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации»

Введение

Взаимодействие этносов на определённых территориях всегда выкристаллизовывало особо важные процессы, происходящие в культурном, историческом, этническом и даже политическом аспектах того или иного народа. И подобные «встречи» всегда проходили по одному или нескольким определённым сценариям: столкновение, мирное сосуществование, нейтралитет и т.д., выразившихся в двух когнитивных моделях – топофилия и топофобия (Якушенков, 2015, стр. 265). Все они порождали что-то новое, проявлявшееся в социокультурных особенностях развития этноса на новых пространствах. Их изучение в контексте проблемы «встречи с Другим/Чужим», приближает нас к пониманию процессов формирования и функционирования культурных паттернов: будь то алиментарный, или вестиментарный, или какой-либо другой. И нет сомнения, что даже в языковом аспекте возникают определённые маркеры, отражающие социокультурную реальность этого самого процесса взаимодействия. Они формируются под воздействием различных факторов: от внешности и гастрономических предпочтений Другого, до его профессии и сексуальной ориентации (Романова, Хлыщева, Якушенков, & Топчиев, 2013, стр. 58-60). И в контексте данной проблемы, на наш взгляд, актуальным является вопрос о трансформации лингвистических паттернов этноса под влиянием Другого/Чужого на фронтальной гетеротопной территории, так как язык остро реагирует на любые социокультурные изменения, а также оставляет неизменным другие формы своего проявления, которые менялись в иных условиях.

Ранее в предыдущих исследованиях мы уже касались анализа межкультурной коммуникации татарской этнической эмиграции в Северо-Восточной Азии и выделили ряд особенностей адаптации их в чужое пространство. В частности, нами было выявлено, что в данном контексте «решающую роль сыграли несколько факторов: политический, религиозный, национальный, внешний (культурная и научная заинтересованности японскими исследователями тюрко-татарами)» (Алиев & Демина, 2017, стр. 11). Естественно, что данная проблематика довольно обширна и требует более детального рассмотрения отдельных её аспектов. Тем более что в контексте предыдущего исследования мы заметили некоторые особенности функционирования и развития этнических культурных элементов на фронтальных территориях (в частности, вестиментарная и гастрономическая культурные категории татар) (Алиев & Демина, 2017, стр. 10). Поэтому, учитывая всё вышесказанное, перед нами встаёт важная задача проследить трансформацию лингвистических

паттернов татар мигрантов на Дальнем Востоке в сравнительном срезе с татарами других фронтальных территорий и выявить ряд общих закономерностей функционирования татарского языка на подобных пространствах.

Сама проблема татарской эмиграции лежит в большей степени в плоскостях исторических и политических исследований и естественным образом связана с рассмотрением общего вопроса о русских мигрантах XX в. В данной области многими экспертами отмечается именно восточная волна эмиграции, внутри которой доминировала этническая и национальная градации (Ревякина, 2002, стр. 70). Интерес к дальневосточной тюрко-татарской миграции проявили в основном зарубежные исследователи. В частности, многие японские учёные отмечали характер и особенности тюрко-татарских общин на данных территориях (Kamozawa, 1981) (Matsunaga, 2004) (Matsunaga, 2003) (Sakamoto, 2003). Но здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что японские исследователи в своих работах используют русскоязычные источники, в то время как источники на татарском или других тюркских языках не проанализированы вообще (Komatsu, 2003, p. 130). Другим пластом зарубежных научных изысканий в данной области являются турецкие исследования, которые обращаются к вопросу о дальневосточных тюрко-татарских мигрантах в контексте проблемы турецко-японских и исламо-японских отношений (Dundar, 2004) (Esenbel, 2002) (Esenbel, 2003) (Esenbel, 2004).

В российском же дискурсе «проблема татарской эмиграции не поднималась примерно до середины 1990-х гг.» (Пронин, 2015, стр. 120). Например, крупный исследователь Дальнего Востока Д. Стефан в своих работах даже не упоминает татарских мигрантов и их общины (Stephan, 1994, pp. 2, 62). А появившиеся в последние годы исследования татарских и башкирских учёных, к сожалению, не представляют полной картины генезиса миграционного процесса (Адутов, 2001) (Гайнетдинов, 1996) (Черникова, 2003) (Юнусова, 2015). Первой попыткой глубокого исследования поставленного вопроса раскрывается в работах тюрколога Л. Усмановой. Итогом её многолетнего исследования явилась изданная в Японии в 2007 г. монография о тюрко-татарской общине Северо-Восточной Азии (Usmanova, 2007). В области чисто лингвистических научных изысканий татарских общин Китая, в частности, и Северо-Восточной Азии, в общем, нами отмечается более глубокая проработка проблематики в части анализа грамматического, фонетического и лексического аспектов татарского языка (Чанышев, 2007) (Денмухаметова & Мугтасимова, 2012) (Набиуллина, 2013) (Сафиуллина & Зэкиев, 2002).

Подчеркнём, что данная работа посвящена сравнительному анализу языковых особенностей татар на фронтальных территориях, что переводит предмет исследования в культурологическую плоскость и выделяет её на фоне других.

Основная часть

«Временной и территориальной разрывы с формирующимся в начале XX в. центром татарской культуры в России, взаимодействие с другими народами и этносами естественным образом приводили к трансформации культурных паттернов татарских мигрантов на новых землях. А в условиях гетеротопного пространства эти изменения происходили по совершенно иным законам» (Алиев & Демина, 2017, стр. 8). В Китае центрами татарского Зарубежья стали города Урумчи, Кульджа и Чавучак (Госманов, 1996, стр. 6), в которых первые поколения татарских мигрантов не воспринимали местный китайский язык никак. Из-за закрытости общины и тесного общения между своими земляками и родственными этносами (уйгурами и казахами), представители татарских мигрантов общались на родном или похожем на него (уйгурском) языках (Чанышев, 2007, стр. 75). Но, как отмечают лингвисты Э. Н. Денмухаметова и Г. Р. Мугтасимова, последующим поколениям приходилось всё больше и больше вливаться в общую китайскую социокультурную среду (2012), а, следовательно, кроме татарского или уйгурского языков молодёжи приходилось изучать и китайский. И в этих условиях язык татарских мигрантов развивался особенно. В частности, необходимо подчеркнуть тот факт, что на конец XIX – начало XX в. у поволжских татар окончательно формируется такая общественная прослойка, как интеллигенция, а вместе с ней складывается на основе среднего (казанского) диалекта и общепринятый литературный татарский язык (Ахатов, 1979, стр. 6). Именно на этот период и выпадает начавшийся, а после 1917 г. достигший своего апогея, процесс татарской эмиграции в дальневосточные страны. Следовательно, язык последних не ощущал тех культурных и лингвистических влияний литературного татарского, как это происходило в Поволжье. А значит, как отмечает лингвист Г. А. Набиуллина, с одной стороны, у них «...сохранились архаичные, характерные для старотатарского языка элементы...» (Набиуллина, 2013, стр. 278), а, с другой, «...воздействие китайского и уйгурского языков вызвало появление в речи слов с семантическими отклонениями <...> заимствований» (Денмухаметова & Мугтасимова, 2012).

Исходя из этого, для нашего исследования необходимо, прежде всего, выявить какие лексические, фонетические и грамматические

единицы, отличные от литературного татарского языка, являются характерными для татар-мигрантов Северо-Восточной Азии, а потом сравнить их с подобными лингвистическими единицами на других фронтальных территориях, в частности, характерных для татар астраханского фронта. Но здесь возникает другая проблема: какие субэтнические группы, проживающие в Астраханском крае считать этими астраханскими татарами? Под этим условным термином большинство учёных считают именно юртовскую субэтническую группу. Но в контексте данного исследования нам было бы интересно сравнить язык татар-мигрантов Китая с говорами юртовцев и других групп татар Астрахани, так как за долгое время пребывания на астраханском фронте в процессе культурных взаимовлияний не кажется удивительным наличие общих сформировавшихся и устоявшихся у юртовцев и, например, мишарей лингвистических единиц и словоформ. К тому же, как отмечают некоторые учёные, занимавшиеся проблемой татарской миграции в Северо-Восточной Азии, основу тюрко-татарских общин составляли поволжские этнические группы мишарей (Усманова, 2005).

Лексика татар-мигрантов Китая содержит огромное количество устаревших относительно литературного языка единиц. Лингвисты Э. Н. Денмухаметова и Г. Р. Мугтасимова, классифицируя их, постулируют, что они делятся на архаизмы и историзмы (2012). Под архаизмами мы понимаем лексико-фонетические единицы, звучание и написание которых отличается от их аналогов в общепринятом варианте. Чаще всего, подобные архаизмы не воспринимаются другими, но иногда в речи понятны на интуитивном уровне. Например, «огул» или «оглы» (тат. «сын») вместо общепринятого «ул» или «улы» является архаизмом китайских татар, тогда как у астраханских данная лексическая единица употребляется в литературной форме, но присутствует традиционное использование архаизма в форме «оглы» при написании имени умершего человека на надгробии, например «Гаяз Гыйләжетдин оглы Исхақы» («Гаяз Гиляжетдинов Исхаков», дословно «Гаяз сын Гиляжетдина»). Примечательно и то, что слово «гора» у татар Китая звучит и пишется как «таг», тогда как данный архаизм у других татар фронтальных территорий замечен не был, у них это слово видоизменилось на литературный манер – «тау». Подобная ротация «г» [ǧ] или «к» [q] / «у» [w] повсеместное явление для тюркских языков.

К другим лексическим архаизмам так же относятся и слова, форма которых в литературном языке изменилась кардинально. Например, у татар-мигрантов отмечены следующие подобные

лексические единицы (далее мы приводим сравнительную таблицу некоторых лексических единиц):

Лексическая единица у татар Китая	Лексическая единица у Астраханских татар	Литературная форма	Перевод
Гадай	Ярлы	Ярлы	Бедный
Йэйә	Ашый	Ашый	Ест
Нан	Эпэй	Икмэк	Хлеб
Ямгур	Ямгыр/Янгыр	Янгыр	Дождь
Пул	Мәнит/Акча	Акча	Деньги

(Таблица №1. Сравнение лексических единиц)

Как мы видим из таблицы, наиболее полно лексические единицы старотатарского языка сохранили именно татары Китая. Это объясняется тем, что, с одной стороны, они в начале XX в. были оторваны от общекультурных процессов, происходивших в регионе Поволжья среди татарского населения, а, с другой, как мы отмечали в предыдущем исследовании, основным фактором образования тюрко-татарской общины до 1940-х гг. в Северо-Восточном азиатском регионе был именно религиозный, а не национальный (Алиев & Демина, 2017, стр. 7).

Также особое место в языке татар-мигрантов Китая занимают лексические заимствования. Среди них выделяются «сумка», «вилка», «вокзал», «фабрика», «ваза», «кино». М. З. Закиев и Ф.С. Сафиуллина, учёные-лингвисты, отмечают: «такие заимствования относятся, в основном, к социально-политической, экономической, военной и медицинской тематике. Такие слова и по сей день, без каких либо изменений, употребляются в современном татарском литературном языке и в его диалектах» (2002, стр. 68). Подобные заимствования, на наш взгляд, занимают особое место в лексике татар и представляют собой единицы, перенятые из русского языка и не изменившиеся со временем.

В ходе сравнительного анализа грамматики слообразования и фонетики татар-мигрантов Китая и татар астраханского фронта нами были выявлены два интересных явления: с одной, стороны замечено влияние соседних тюркских народов, а, с другой, наличие общего пласта словоформ, характерных только для татар, проживающих на отдалённых от центра татарской культуры¹ территориях.

¹ Под этим центром мы понимаем конкретно Среднее Поволжье.

Что касается влияния соседних тюркских народов (уйгур и казахов), то здесь нами были выявлены схожие формы словообразования у татар-мигрантов Китая и юртовских татар. У последних это объясняется, скорее всего, тем, что юртовский говор формировался на стыке степного ногайского языка и влияния литературного татарского на протяжении всего XX в. Так, например, притяжательные аффиксы первого лица множественного числа в татарской среде Китая звучат как **-ымыз/-емез** или **-мыз/-мез** («Наша дочь» – «Кызымыз»), в то время как их литературная форма **ыбыз/-ебез** или **-быз/-без** («Наша дочь» – «Кызыбыз»). Подобное встречается и у юртовцев.

Таковую же аналогию, как и астраханских татар (встречается не только у юртовцев), так и у татар-мигрантов Китая можно провести с притяжательными местоимениями, которые образуются с помощью аффиксов **-ныкы/-неке** («Это чьё?» – «Бу кемнеке; «Это моё» – «Бу минеке») вместо литературного **-нын/-нең** («Это чьё?» – «Бу кемнең; «Это моё» – «Бу минем»). Именно такая же форма словообразования встречается и в казахском языке – «Бұл менікі» («Это моё»). Вышеописанная лингвистическая ситуация характерна и для прилагательных в сравнительной степени, которые образуются удваиванием аффиксов **-рак/-рәк** и получают форму **-раграк/-рәгрәк**, например «зурраграк» («больше») (Набиуллина, 2013, стр. 279-280). Эта форма словообразования тоже не является чем-то уникальным и встречается также и у татар астраханского фронта (мишар и юртовцев). Подобную особенность можно отметить также и в использовании уменьшительно-ласкательной формы, которое образуется путём прибавления аффикса **-тәй** к слову «кечкенә» («маленький») – «кечкентәй». Подобная структура также наблюдается и у астраханских, и сибирских татар, и татар-мигрантов КНР, и казахов – «кішкентай» (здесь стоит отметить нарушение принципа сингармонизма в словообразовании, что, на наш взгляд, по меньшей мере, является странным и редким явлением, особенно для казахского языка).

На лицо внешнее влияние соседнего этноса. Хотя этот вопрос можно поставить под сомнение: учитывая общую картину развития тюркских языков, можно предположить, что некоторые лингвистические паттерны, исчезали у одних тюркоязычных народов, и сохранялись и получали развитие у других. Но это уже совсем другая проблематика, выходящая за рамки данного исследования. С другой стороны, мы можем сказать, что подобные формы словообразования не являются чем-то уникальным, и зачастую в

татарской среде встречается у субэтнических групп, проживающих на пограничных территориях.

Именно поэтому для нас кажется спорным и влияние уйгурского на словообразование настоящего времени изъявительного наклонения в языке татар-мигрантов Китая. Данная форма, точно также, как и у юртовских татар, образуется добавлением к глаголу аффиксов **-айы/-эйе** вместо **-ый/-ей** (например, «уйлайым» вместо «уйлыйм» – «думаю»).

Сравнение словообразований и фонетики вариантов татарского языка на разных территориях представлена ниже в таблице №2:

Форма словообразования	Форма словообразования в литературном татарском языке	Форма словообразования в языке татар-мигрантов Китая	Форма словообразования в языке татар астраханского фронта
<i>Притяжательное наклонение существительных</i>	-ыбыз/-ебез или -быз/-без (Кызыбыз; киемебез)	-ымыз/-емез или -мыз/-мез (Кызымыз; киемебез)	<i>Встречаются обе формы</i>
<i>Притяжательные местоимения</i>	-ның/-нең (Кемнең)	-ныкы/-неке (Кемнеке)	-ныкы/-неке , но встречается и литературная форма
<i>Сравнительная степень прилагательных</i>	-рак/-рэк (Зуррак)	-раграк/-рэгрэк (Зурраграк)	-раграк/-рэгрэк , но встречается и литературная форма
<i>Уменьшительно-ласкательная форма прилагательного</i>	-	-тэй (Кечкентэй)	-тэй (Кечкентэй)
<i>Настоящее время изъявительного наклонения</i>	-ый/-ей (уйлыйм)	-айы/-эйе (уйлайым)	<i>Встречаются обе формы</i>

(Таблица №2. Сравнение форм словообразований)

Таким образом, при сравнении словообразований и фонетики татарских говоров на пограничных территориях и языка татар-мигрантов Китая мы можем прийти к выводу, что в данном случае сходств намного больше, чем при анализе лексических единиц. Это говорит в пользу гипотезы о том, что у этносов на подобных пространствах язык наряду с другими культурными паттернами

(вестиментарность, алиментарность и другие) развивается по другим закономерностям.

Заключение

Подводя итоги данного исследования, нужно сказать, что сравнительных анализ лингвистических паттернов татар на пограничных территориях выдал довольно многочисленные результаты. Так, нами был выявлен тот факт, что на подобных пространствах языковые аспекты тех или иных этносов развиваются по совершенно другим законам. В частности, рассмотрев лексические единицы татар-мигрантов Китая в сравнительном срезе с литературным татарским языком и говорами астраханских татар, мы пришли к выводу, что на сохранение долитературных форм решающую роль сыграли два основных фактора:

1. Периферийный характер существования этноса. Его отдалённость позволяет обойти влияние мейнстримных культурных процессов, происходящих в определённый период.

2. Религиозный характер в объединении тюрко-татарской общины в противовес национальному фактору позволил татарам-мигрантам сохранить старотатарские лексические единицы, так как мусульманская среда включала в себя различные тюркские этносы (как пришлые, так и местные), что заставляло сохранять те формы языка, которые были приближены к общетюркским языковым особенностям других этносов.

Говоря о грамматике и фонетике татарского языка периферийных субэтносов татар, то здесь мы наблюдаем примерно те же процессы. Но сравнительный анализ показал больше совпадений в словообразованиях и фонетике татар-мигрантов Китая с татарами астраханского фронта, чем в их же лексике. Вопрос о влиянии соседних тюркских этносов ставится нами под сомнение, и кажется потенциально решаемым в случае получения общей картины комплексного анализа развития близких тюркских языков, что позволит решить, является ли верным тот факт, что некоторые лингвистические паттерны, исчезали у одних тюркоязычных народов и сохранялись и получали развитие у других.

Список литературы

Dundar, A. (2004). Japonya Turk-Tatar Diasporasi. *Modern Turkluk Arastirmalari Dergisi*. – Ankara Üniversitesi, Kasim(7), pp. 76-88.

Esenbel, S. (2002). Japan and Islam Policy During the 1930s. *Turning Points in Japanese History*, pp. 180-214.

Esenbel, S. (2003). Japanese perspectives of Ottoman World. *The Rising Sun and the Turkish Crescent / Edited by S. Esenbel and I. Chinaru. – Istanbul*, pp. 7-41.

Esenbel, S. (2004). Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945. *The American Historical Review*, 109(4), Retrieved from: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/109.4/esenbel.html>.

Kamozawa, I. (1981). Zainichi tatarujin nitsuite nokiroku. *Bulletin of Faculty of letter, Hosei University*(28), pp. 27-56.

Komatsu, H. (2003). *Modern Central Eurasian Studies in Japan: An overview 1985-2000. Part 1*. Tokyo.

Matsunaga, A. (2003). Ayaz Ishaky and Turco-Tatars in the Far East. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 197-215.

Matsunaga, A. (2004). Ayaz Ishaki ve Uzak Dopu'daki Tatar Türkleri. *Tarih*(5), pp. 47-51.

Sakamoto, T. (2003). The First Japanese Hadji Yamaoka Kotaro and Abdurresid Idrachim. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 105-121.

Stephan, J. J. (1994). *The Russian Far East. A history*. Stanford University Press.

Usmanova, L. (2007). *The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s*. Tokyo: Rakudasha.

Адутов, Р. (2001). *Татаро-башкирская эмиграция в Японии*. Набережные Челны.

Алиев, Р. Т., & Демина, А. В. (2017). Татары на чужбине: опыт межкультурной коммуникации в условиях дальневосточного фронта. *Культура и искусство*(11), Стр. 1-17.

Ахатов, Г. Х. (1979). *Татарская диалектология. Средний диалект (учебник для студентов вузов)*. Уфа.

Гайнетдинов, Р. Б. (1996). *Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX в. — 30-е гг.* Набережные Челны.

Госманов, М. Г. (1996). *Ябылмаган китап*. Казан: Тат. китап нәшр.

Денмухаметова, Э. Н., & Мугтасимова, Г. Р. (2012). Лексические особенности речи татар, проживающих в КНР. *Современные проблемы науки и образования*(4), Retrieved from: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6913>.

Набиуллина, Г. А. (2013). Морфологические особенности речи татарской диаспоры В КНР. *В сборнике: Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение материалы Междунар. науч.-практ. конф.. Под общей редакцией Р.Р.*

Замалетдинова, Ответственные редакторы Т. Г. Бочина, А. Ш. Юсупова., (стр. 277-281).

Пронин, А. А. (2015). *История изучения российской эмиграции в диссертационных в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: ч. I: монография*. М.-Берлин: Директ-Медиа.

Ревякина, Т. В. (2002). *Российская эмиграция в Китае: проблемы адаптации (20-40-е гг. XX в.)*. М.

Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н., & Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Сафиуллина, Ф. С., & Зэкиев, М. З. (2002). *Хэзерге татар әдәби теле*. Казан: Мәгариф.

Усманова, Л. (2005). Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. *Гасырлар авазы*(1), Retrieved from: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/03/03_2/.

Чанышев, М. К. (2007). *Кытайда татар мәгарифе тарихы*. Казан: Жыен, Идел-пресс нәшр.

Черникова, Л. (2003). Тюрко-татарская колония в Китае. По страницам «Шанхайской зари». *Русское поле*(4), Retrieved from http://www.tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm.

Юнусова, А. Б. (2015). *Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: Мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности*. Получено из http://tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm

Якушенков, С. Н. (2015). Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*(3), Стр. 261-266.

THE CHANGES IN SOME LINGUISTIC PATTERNS OF THE TATARS IN THE FRONTIER SPACES: THE TATARS OF THE ASTRAKHAN REGION AND THE TATAR MIGRANTS IN CHINA

Aliev R.T.

Aliev Rastyam Tuktarovich, PhD in history, senior researcher of the Laboratory for the Study of the Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga Region and the Northern Caspian Region, Astrakhan State University, Astrakhan. E-mail: rastaliev@gmail.com

This article focuses on comparative analysis of the linguistic patterns of the Tatar migrants of China and the Tatars of the Astrakhan frontier. In the introduction the author reviewed the main studies on the problem of the Tatar migration of the XX century, and made the assumption that in the border territories of these ethnic groups the development of language takes place according to special laws in connection with the nature of the spaces (Astrakhan and China frontiers). Thus, the subject of study was transferred into the field of cultural tendencies.

In the main part of the article the author discussed lexical items, grammatical forms, word formation and phonetic peculiarities of the language of the Tatar migrants of China and the Astrakhan Tatars. In the course of the study, the author supplies a comparative table for each category set and identifies the main factors that influenced the formation of the linguistic characteristics of these sub-ethnic groups with regard to the literary Tatar language. Among them, the author mentions a peripheral factor in the existence of ethnic and the influence of Islam in formation the Tartar ethnic communities in the new territories. The author considers that the influence of neighboring Turkic ethnic groups is very small, but the final answer could be received by obtaining the overall picture of the development of closely related Turkic languages.

Key words: frontier, Other, Alien, Tatars, Tatar migrants, Turkic-Tatar community, Far Eastern frontier, vestmentarity, alimentariness, linguistics, grammar, phonetics, vocabulary.

References

Dundar, A. (2004). Japonya Turk-Tatar Diasporasi. *Modern Turkluk Arastirmalari Dergisi*. – Ankara Üniversitesi, *Kasim*(7), pp. 76-88.

Esenbel, S. (2002). Japan and Islam Policy During the 1930s. *Turning Points in Japanese History*, pp. 180-214.

Esenbel, S. (2003). Japanese perspectives of Ottoman World. *The Rising Sun and the Turkish Crescent / Edited by S. Esenbel and I. Chinaru*. – Istanbul, pp. 7-41.

Esenbel, S. (2004). Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945. *The American Historical Review*, 109(4), Retrieved from: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/109.4/esenbel.html>.

Kamozawa, I. (1981). Zainichi tatarujin nitsuite nokiroku. *Bulletin of Faculty of letter, Hosei University*(28), pp. 27-56.

Komatsu, H. (2003). *Modern Central Eurasian Studies in Japan: An overview 1985-2000. Part 1*. Tokyo.

Matsunaga, A. (2003). Ayaz Ishaky and Turco-Tatars in the Far East. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 197-215.

Matsunaga, A. (2004). Ayaz Ishaki ve Uzak Dopu'daki Tatar Türkleri. *Tarih*(5), pp. 47-51.

Sakamoto, T. (2003). The First Japanese Hadji Yamaoka Kotaro and Abdurresid Idrachim. *The Rising Sun and the Turkish Crescent – Istanbul*, pp. 105-121.

Stephan, J. J. (1994). *The Russian Far East. A history*. Stanford University Press.

Usmanova, L. (2007). *The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s*. Tokyo: Rakudasha.

Adutov, R. (2001). Tatar-Bashkir emigration in Japan. Naberezhnye Chelny.

Aliev, R.T., & Demin, A.V. (2017). Tatars in a foreign land: the experience of intercultural communication in the conditions of the Far Eastern frontier. *Culture and Art* (11), pp. 1-17.

Akhatov, G. Kh. (1979). *Tatar dialectology. Middle dialect (textbook for university students)*. Ufa.

Gainetdinov, R.B. (1996). *Turko-Tatar political emigration: the beginning of the twentieth century. - 30-ies*. Naberezhnye Chelny.

Gosmanov, M.G. (1996). *Yabylmagan the kitap*. Kazan: Tat. Kitap nasper.

Denmukhametova, E. N., & Mugtasimov, G.R. (2012). Lexical features of speech of Tatars living in China. *Modern problems of science and education* (4), Retrieved from: <https://www.science-education.ru/en/article/view?id=6913>.

Nabiullina, G.A. (2013). Morphological features of speech of the Tatar diaspora In the PRC. *In the collection: Languages of Russia and CIS countries as foreign: teaching and learning materials Intern. scientific-practical. Under the general editorship of R.R. Zamaletdinova, Responsible editors TG Bochina, A. Sh. Yusupova.*, (P. 277-281).

Pronin, A.A. (2015). *The history of the study of Russian emigration in dissertational theses in dissertational research 1980-2005: Part I: monograph*. M.-Berlin: Direct-Media.

Revyakina, T.V. (2002). *Russian emigration in China: problems of adaptation (20-40s of the 20th century)*. M.

Romanova, A.P., Khlyshcheva, E.V., Yakushenkov, S.N., Topchiev, M.S. (2013). *Alien and cultural security*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).

Safiullina, F.S., & Zekiev, M.Z. (2002). *Hazerge Tatar adabi tele*. Kazan: Margarif.

Usmanova, L. (2005). The Turko-Tatar emigration in Northeast Asia at the beginning of the 20th century. *Gasyrlar avazy* (1), Retrieved

from:

http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/03/03_2/.

Chanyshv, M.K. (2007). *Kitayda tatar magarife tarihe*. Kazan: Jyen, Idel-press nashr.

Chernikova, L. (2003). The Turkic-Tatar colony in China. On the pages of the «Shanghai Dawn». *Russian field* (4), Retrieved from http://www.tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm.

Yunusova, A.B. (2015). *Tatar-Bashkir emigration in the Far East: The Muslim factor of social adaptation and preservation of ethno-cultural identity*. Retrieved from http://tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm

Yakushenkov, S.N. (2015). Topophilia vs topophobia as cognitive paradigms of the frontier space. *The Caspian region: politics, economy, culture* (3), pp. 261-266.